

Аннотации докладов конференции
«Литература и власть в России в XVIII–XIX вв.»
7 ноября 2024 г. (ИМЛИ РАН)

При финансовой поддержке гранта РФФИ №23-28-00664
«Писатели и власть во второй половине XVIII века: конструирование политического языка эпохи» <https://rscf.ru/project/23-28-00664/>

В докладе **М.А. Киселева** (Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург) «*Оды екатерининского переворота 1762 г. и явление “сынов отечества”*»¹ была рассмотрена роль одической литературы в формировании публичной сферы в России XVIII в. Было показано, что хотя ода была некритической разновидностью политической литературы (И. Клейн), она оказывалась доступной школой публичного высказывания о современных политических событиях, а контексте дворцового переворота в оде находилось место и критике монарха, пусть и свергнутого. При этом в одах 1762 г. объектом прославления становится не только монарх, но и его подданные – «сыны отечества», которые своими действиями (участие в дворцовом перевороте) и спасли Россию. Как результат, одический монарх-демиург оказывается потеснен своими подданными, имеющими право во имя отечества на политический поступок.

Л.А. Сапченко (Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск) в своем докладе «*Поэт и царь: оды Карамзина, посвященные российским императорам*» отметила, что изучение од Н.М. Карамзина, посвященных российским императорам, позволяет осмыслить его взгляд на природу и сущность царской власти, отметить особенности его просветительского проекта, его авторского самосознания, его

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649 «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/23-18-00649>.

понимания проблемы «искусство и действительность». Обращение Карамзина к жанру торжественной оды было обусловлено его нарастающим интересом к прошлому и будущему России, его стремлением соединить «поэзию» и «правду», его желанием увидеть в действиях великих личностей осуществление замысла Творца. Единство авторской позиции в поэзии, прозе, эпистолярной публицистике Карамзина, индивидуализация образа автора вплоть до биографической конкретики, параллельное изложение событий в поэтических образах и в фактах определяют специфику карамзинских од, а его переход от певца-поэта, вещающего истину царю, к честному историку являет собой путь от литератора к историографу, т.е. от поэзии к действительности.

В докладе **И.Н. Лагутиной** (НИУ ВШЭ, г. Москва) *«Философ на троне»: Екатерина II – читательница книг И.Г. Циммермана»* представлен эпистолярный диалог российской императрицы и швейцарского врача-философа И.Г. Циммермана, автора популярной книги «Об уединении». Циммермановское понятие «Einsamkeit» («одиночество/уединение»), не связанное с романтическим пониманием одинокого, покинутого и страдающего от своей изоляции существа, являлось отражением просветительских идеалов о воспитании, о формировании собственной индивидуальности, когда нужно было найти баланс между социальным взаимодействием и абсолютным отшельничеством, ведущим, с точки зрения автора, к разрушению личности. Типы «уединенности», описанные в книге на границе философии, антропологии и медицины и имеющие как положительные, так и отрицательные черты, были с интересом изучены Екатериной, что показывают ее размышления в письмах о «разуме и безумии» современной эпохи, анализ собственной «ипохондри», а также замысел и ряд эпизодов ее анти-масонских комедий.

Доклад **А.Д. Ивинского** (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«Екатерина II и А.Н. Радищев: к вопросу о журнальных контекстах “Путешествия из Петербурга в*

Москву»² был посвящен анализу историко-литературных контекстов «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Автор полагает, что Радищев надеялся найти свое место в сложно устроенной Екатериной II публичной сфере и для этого должен был продемонстрировать свое владение культурным и политическим языками эпохи. Чтобы этого добиться, он построил свой текст как своеобразную «энциклопедию» мотивов современной ему русской литературы XVIII в., в которой едва ли не первое место заняли отсылки к периодике 1760–1780 гг., а особенно ко «Всякой всячине» и «Трутню». В докладе показано, что Радищев не стремился к цельности своего произведения, постоянно «размывал» единство текста, выстраивая сложную систему «рассказчиков»: так, например, авторами «проекта в будущем» или очерка истории цензуры оказались формально другие люди, их высказывания *лишь* опубликовал автор. Этой же цели служили включенные в произведения письма и диалоги с персонажами, которые иногда заглушали авторский голос. Появление в тексте выдержек из летописи и литературно-критических статей стирали границу между художественной литературой и публицистикой, а стихотворные вставки — между стихом и прозой. Таким образом, «Путешествие» могло мыслиться Радищев как своеобразный «журнал», посвященный современной России. Именно такой новаторский, бескомпромиссный и даже «дерзкий» текст должен был, по мысли автора, привлечь внимание власти и обеспечить ему достойное место на Парнасе.

Т.В. Артемьева (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) «*”... Чтение романов произвело мне многоразличные пользы”*. Литература в жизни А.Т. Болотова»³. А.Т. Болотов (1738–1833) родился в небогатой дворянской семье и рано осиротел. К счастью, его отец успел позаботиться о том, чтобы сын

² Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00664 «Писатели и власть во второй половине XVIII века: конструирование политического языка эпохи», <https://rscf.ru/project/23-28-00664/>.

³ «Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 17ВГ).

овладел одним из важнейших навыков дворянской коммуникации – выучил иностранный язык. В 16 лет Болотов начал военную службу в Архангелогородском полку и участвовал в Семилетней войне (1756–1763). В 1758 г. он был назначен письмоводителем, а затем переводчиком при канцелярии генерал-губернатора Пруссии Н.А. Корфа в Кенигсберге, где он пробыл до 1761 г. Таким образом, молодой офицер получает возможность провести несколько лет в известном университетском центре. Все свободное время он использует для систематизации и завершения своего образования. Он общается с университетскими профессорами, много читает, рисует, переводит, пишет сам, ходит в театр и играет в любительских спектаклях. И очень много читает. Начал Болотов с чтения романов. Это сформировало его вкус и отполировало язык. Литература отчасти заменила ему жизненный опыт и недостаток светскости, дала возможность познакомиться с жизнью, которая проходила за пределами его мира. Возможно поэтому он с такой легкостью отверг возможность участия в дворцовом перевороте 1762 г. и уехал в свое имение, не желая рисковать своим благополучием и строить карьеру государственного деятеля. В докладе анализируется роль литературной автодидактики в жизни Болотова, а также его отношение к роли чтения в образовании.

В рамках доклада **А.А. Шурухиной** (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«Понятие “общее/общественное мнение” в первой трети XIX в.: между властью и hommes des lettres»* были выделены ключевые этапы в истории становления понятия «общее/общественное мнение» с момента первых появлений словосочетания «общее мнение» в переводных текстах екатерининского времени. Особое внимание было уделено кристаллизации понятия в 1800-е гг. в среде близких к Александру I чиновников и hommes des lettres – М.М. Сперанского, В.В. Попугаева, В.Ф. Малиновского, в текстах которых формулируется определение «общему мнению» через обращение к концепциям И. Канта, Ш. де Монтескьё, И. Гердера, К. де Мальзерб и др. На примере текстов декабристов и отчётов Третьего отделения о состоянии общественного мнения было

продемонстрировано, как понятие «общее/общественное мнение» меняет контекст употребления и теряет семантику связи с правительственными институтами, становясь враждебным для власти понятием. На примере истории понятия «общее/общественное мнение» в докладе демонстрируется разрыв между обществом и властью, который находит отражение в политическом языке первой трети XIX в.

В докладе **Д.М. Никитиной** (ИМЛИ РАН, г. Москва) речь шла о вышедшем в майском номере журнала «Новости литературы» за 1825 г. «Воспоминании о селе Савинском и о добродетельном его хозяине» А.Ф. Воейкова, посвященном И.В. Лопухину и его имению. Прозвучавшие в этом очерке в адрес Лопухина добрые слова вызвали неодобрение Митрополита Серафима, посчитавшего, что подобного рода высказывания в печати в адрес человека, чья деятельность шла в разрез с деятельностью Русской церкви, недопустимы, и предложившего Министерству народного просвещения запретить вышедший номер. В результате обсуждения сложившейся ситуации и лучших вариантов ее разрешения Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел пришли к выводу, что запрещение номера привлечет к нему большее внимание и что вернее ограничиться объявлением выговора издателю журнала и автору статьи А. Ф. Воейкову.

В докладе **С.В. Сапожкова** (ИМЛИ РАН, г. Москва) «*А.В. Никитенко — цензор и литературный критик Н.В. Гоголя*» А.В. Никитенко представлен в тесной взаимосвязи различных сфер своей деятельности: во-первых, как цензор, представитель государственно-административного аппарата, во-вторых, как литературный критик, либерал и западник, близкий к окружению В.Г. Белинского, активный участник литературного процесса 1830–1840-х гг.; в-третьих, как историк литературы и теоретик, сливший воедино принципы историзма и философского эстетизма в оценке литературных явлений. В докладе показано, как эти сферы интересов Никитенко проявляют себя в цензурировании произведений Гоголя, как ему удастся сохранить баланс между ними, согласно

ведущему закону его мировоззрения — «закону уравнивания» («Дневник», запись от 13 января 1871 г.).

В докладе **О.В. Голодняк** (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«К истории публикации запрещенных глав книги “Выбранные места из переписки с друзьями”»* был показан путь к читателю пяти глав гоголевской книги «Выбранные места из переписки с друзьями», запрещенных в 1846 г. цензурой. Попытка опубликовать их предпринималась в 1856 г. при подготовке сочинений писателя под редакцией Н.П. Трушковского, однако сделать это не удалось. Возможность дополненного издания «Выбранных мест...» обсуждалась также в 1857 г. П.А. Кулишом и цензуровавшим «Сочинения и письма Н. В. Гоголя» Н.П. Гиляровым-Платоновым. Именно он, судя по сохранившимся архивным материалам, рассчитывал напечатать непропущенные главы книги. Однако они были опубликованы лишь в 1860-е гг. — эпоху пересмотра цензурного законодательства и появления новых правил о цензуре и печати.

В докладе **В.И. Щербакова** (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«Николай Соловьев в эпоху правительственной реакции 1860-х гг.»* освещена личность критика и публициста Николая Ивановича Соловьева (1831–1874), ведущего критика журнала «Всемирный труд» в 1867–1868 гг. Приведены малоизвестные факты, относящиеся к полемике Н.И. Соловьева с журналом «Литературная библиотека» в условиях реакции, последовавшей за покушением на царя (4 апреля 1866 г.). Н.И. Соловьев имел большой опыт личной борьбы с «отрицательным направлением» в журналистике, однако не был сторонником отождествления «литературной оппозиции» с «заговорщиками» и высказывался против «запугивания» оппонентов. Наиболее подробно изложены в докладе идеи программной статьи Н.И. Соловьева «Принципы жизни» (1867), непосредственно касающиеся отношений писателя с властью. Остро чувствуя общественный «разлад», Соловьев призывал соотечественников объединиться

на «тех началах, которые одинаково дороги как власти, так и слову, как правительству, так и обществу».

В докладе **И.И. Сизовой** (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«Теория “разделения труда” на службе у “власти”: к историко-литературному генезису произведений Л.Н. Толстого 1880-х гг. (трактат “Так что же нам делать?”, “Сказка об Иване-дураке...”)*» речь шла о преломлении в творческой лаборатории Л.Н. Толстого 1880-х гг. теории «разделения труда», разработанной «первыми позитивистами» О. Контом, Г. Спенсером и Д. Миллем; выявляются основные направления социальной философии, вызвавшие наибольший полемический отклик писателя. По наблюдению автора доклада, развязка действия «Сказки об Иване-дураке...» (эпизод «Господин чистый на каланче») отразила в аллегорической форме, как художественная иллюстрация проблематику глав XXVI–XXXVIII трактата «Так что же нам делать?» с темой разделения умственного и физического труда в главенствующих европейских «теориях» о науке и искусстве. Делается вывод о том, что ядром толстовской критики философии «первого позитивизма» явилось обоснование этой доктриной «разделения труда» в «общественных организациях» как «естественного» явления и основы для существования различных сословий, как главной причины их последующего иерархического деления и важного условия прогресса. Согласно воззрениям Толстого-гуманиста, регуляции практической жизни человека философией «первого позитивизма» не доставало морали; учение «жрецов философии» на современном этапе «потакало царствующему злу» и оправдывало «насилие» государственной власти и правящих «элит» над человеком труда в виде теперь уже непреложного закона развития и прогресса.

А.А. Щербинина (ИМЛИ РАН, г. Москва) *«Изображение властителей в повести “Хаджи-Мурат” Л.Н. Толстого»*. По выражению Л.Н. Толстого в «Хаджи-Мурате» Николай I и Шамиль – «два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского», однако вместе с ними писатель воспроизводит и

социально-политическое устройство каждой из сторон конфликта. В повести выстраивается подробная иерархическая структура власти в Российской Империи, демонстрирующая тесное переплетение светского общества и военного. При изображении особенностей управления на Кавказе показывается, что жизнь горцев регламентируется одновременно обычаями и религией, а также неотделима от военной сферы. Кроме того, в повести прослеживается контраст между условиями быта, ценностями простого народа и властителей, ведущими безнравственное существование.

В докладе **Ю.А. Маричик-Сьоли** (ИМЛИ РАН, г. Москва) «*”Красная молодость Инны” Е. Извольской и А. Кашиной-Евреиновой: “ударный роман” для французских читателей*» на основе архивных материалов (письма Е. Извольской к А. Кашиной-Евреиновой, РГАЛИ) исследовался процесс написания романа на французском языке «Красная молодость Инны» (1925–1927). Тема «литература и власть» рассматривается под особым углом: стремление авторов романа упрочить свое положение в литературной иерархии и повысить тем самым свой символический статус (в парижской литературной среде первой волны эмиграции). Особое внимание уделяется следующим вопросам: политико-идеологическая составляющая «Красной молодости Инны» (тема, идеи, французские издатели); разработка авторами стратегий саморекламы («сенсационный материал», выбор псевдонимов и выгодного момента для публикации); выбор увлекательных стратегий письма («театрализация» Н. Евреинова, «романизация» Ж. Кесселя, «динамизация» К. Мочульского, подражание французскому роману начала XX в.).

Доклад **Д.Д. Якушевой** (ИМЛИ РАН, г. Москва) «*Роль документальных источников в романе А.Б. Мариенгофа “Екатерина”*»⁴ был посвящен теме

⁴ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00664 «Писатели и власть во второй половине XVIII века: конструирование политического языка эпохи», <https://rscf.ru/project/23-28-00664/>.

исторических источников романа А.Б. Мариенгофа «Екатерина», остающейся до сих пор не исследованной. Введение документов и свидетельств эпохи в структуру повествовательного текста позволяет писателю приблизиться к верному описанию событий исторического времени. Так, мы условно выделили три группы источников: мемуарная проза Екатерины II, исторические труды и официальные документы (депеша, манифесты и др.). При этом документальность становится неотъемлемым признаком «монтажной прозы», появившейся в 20-х гг. XX в., и подчиняется ее эстетическим и философским задачам.